

УДК 323.2+504

Е.И. Буркова (Глушенкова)

*Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО)
РАН, Москва, Россия*

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ, НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ОХРАНА ЛЕСОВ В РОССИИ

В данной статье рассматривается экологическая модернизация как политическая практика на примере деятельности экологических неправительственных организаций (экоНПО), в лесной отрасли России. Основное внимание при этом уделяется политическому поведению экоНПО, особенностям этого поведения в нашей стране. В работе так же дана оценка охране лесов и экологической ситуации с лесами в современной (постсоветской) России.

Ключевые слова: экологическая модернизация, экологическая политика, устойчивое развитие, экологические неправительственные организации (экоНПО), лица, принимающие решения (ЛПР), иностранный агент, охрана лесов, лесная политика, леса высокой природоохранной ценности (ЛВПЦ), модельный лес.

В марте 2017 года старейшая организация экологического профиля региона (работает с 1992 г.) «Кольский экологический центр», КЭЦ, из города Апатиты, была включена властями в реестр российских организаций - иностранных агентов только за то, что в 2015 году коллеги из норвежской «Naturvernforbundet» предоставили им 500000 норвежских крон. КЭЦ регистрироваться в этом качестве отказались. В результате их усилий по доказыванию своего несоответствия данному статусу, 9 августа 2017 года КЭЦ решением Министерства юстиции исключили из реестра иностранных агентов, и он продолжил свою работу.

История с КЭЦ, - сегодня - типичный российский сюжет, повторяется регулярно и повсеместно. Начало этому процессу положил Закон РФ о финансировании некоммерческих организаций (2005), в нем и возникло понятие организации - иностранного агента как нежелательной, для властей, организации. Затем была принята Поправка Государственной Думы к Закону о некоммерческих организациях («Об иностранных агентах» от 03.07.12). Далее был принят ФЗ от 23.05.2015 №129 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты», где понятие «агент» окончательно заменил термин «нежелательная организация».

Это законодательство в России обычно подают как аналог «Акта о регистрации иностранных агентов» (FARA) в США. Тот закон 1938 года имел антилоббистский характер, будучи нацелен против пропаганды нацистов, их попыток вмешательства в политическую жизнь и внутренние дела США. К «иностранным агентам» причислялись те, кто прямо управлялся иностранным правительством (связанной с ним организацией). Указ президента от 25 ноября 2014 г. запретил российским партиям и общественным организациям совершать сделки с международными организациями и российскими организациями - иностранными агентами. Для признания агентом достаточно иностранное участие 30 % уставного капитала. Но даже таких организаций не находят. И тогда ищут организации с хоть каким-нибудь «иностранным следом». [11]

Экологи пострадали от этих действий, наверное, больше других: их, спасающих журавлей и аистов, охраняющих выхухоль и леопарда, устраивающих детские праздники и экологические лагеря, власти ставят на одну доску с нацистами и террористами. А российские экологические организации (экоНПО), между тем, бесконечно далеки даже от такой повседневной практики западных НПО, как приковывание себя к деревьям, чтобы остановить вырубку леса, или марши-броски по закрытой территории вокруг ядерных объектов...

Непосредственно КЭЦ вменили так же «действия, оказывающие влияние на деятельность государственных органов, в том числе направленных на принятие, изменение, отмену законов или иных нормативных правовых актов...», точнее: «мониторинг окружающей среды, организацию круглых столов и конференций по ... сохранению ценностей природы, участие в общественных слушаниях по продлению сроков эксплуатации реакторов Кольской АЭС". [14] Верно: КЭЦ выполняется образовательная и просветительская работа, мониторинг природной среды, экологическая и эколого-правовая экспертиза, дается оценка воздействия на

окружающую среду, проводятся слушания и конференции. А еще КЭЦ в последние годы занимался вопросами создания национального парка Хибин - о котором, как об уже существующем, докладывали В. В. Путину, - парка, через который (точнее, через Умбозерский перевал в самом его центре), горнопромышленная «Северо-Западная фосфорная компания» строит дорогу для транспортировки с места добычи своих апатит-нефелиновых руд.

КЭЦ еще повезло. Судьбу КЭЦ разделили другие экоНПО с Севера, а так же из Сибири, с Волги, Байкала, Дальнего Востока (в т.ч. «Дронт», «Беллона», «Нуори Карьяла», «Муравьевский парк»), боровшиеся с экологическими преступлениями (включая бесконтрольный вывоз древесины за рубеж), но почти все они остались «агентами»: из 29 экоНПО только 4 сумели выйти из «черных списков», а 13 из оставшихся после этого закрылись. [11] Все они влияли, по версии властей, на принятие решений, а сами получали деньги из-за рубежа.

А какими должны быть общественные экологические организации в наше время? Обратимся к теории. Под «зелеными» в широком смысле, и экоНПО, в более узком, в политологии понимают широкий спектр движений и групп как систему независимых социальных субъектов, стратегии, тактики, организационную структуру которых определяют экологические ценности, а не политические цели. ЭкоНПО - новые социальные движения за инновации в общественную систему за счет включения в нее экологических императивов, механизмом чего выступает формирование системы постоянного давления на власть, лоббирования экологических ценностей среди элит и широких слоев населения. С конца 60-х-начала 70-ых гг. в идеологии «зеленых» методологически объединяются охрана окружающей среды и общества, в это же время «зеленые» вовлекаются в парламентскую деятельность. С тех пор экоНПО ставят и решают чисто политические задачи, в т. ч. участие в принятии решений на уровне исполнительной власти, наряду с задачами, имеющими отношение к экологической политике в

широком смысле слова - образование и просвещение, охрана памятников природы. В рамках традиционного политического процесса «зеленые» терпели неудачи, и, с начала 90-ых гг. XX в., развитие новых социальных движений вышло на новый этап торжества «демократии участия». ЭкоНПО превратились в канал непрерывной коммуникации властей и населения в целях совместной выработки политических решений. В рамках «демократии участия» движущая сила экологической политики – граждане, местные жители, общество в целом. ЭкоНПО создают рамки для совместного принятия политических решений в экологической политике.

В России этапы развития экологического движения в целом совпадали с общемировыми до 1991 года, когда, после бурного роста гражданского активизма 80-ых гг., произошел спад, за которым последовали неблагоприятные для экологической отрасли изменения на системе исполнительных органов. Чертой данного процесса стала растущая зависимость не только экоНПО, но и всей отрасли от финансовой поддержки из-за рубежа. С середины 90-ых гг. государственное финансирование природоохраны, и без того очень низкое по сравнению с развитыми странами (значительно менее 1% ВВП), продолжало падать. Нулевые сопровождал экономический рост, и идущий за этим рост загрязнений. Но положение в отрасли не изменилось. В 1992-2000 гг. зарубежные партнеры выделили России на природоохранные цели более 600\$ млн., по другим данным - более 1\$ млрд. По самым приблизительным подсчетам, с начала нулевых международное финансирование ежегодно превышало государственное более чем в 3 раза. Это были средства на охрану диких видов, водных бассейнов, лесов, на поддержку отдельных направлений природоохраны, оказавшихся в трудном положении. Они шли через каналы международных экоНПО, часто – сначала к российским, а затем – на само природоохранное мероприятие. [7]

Но, может быть, эти деньги вовсе не так нужны России? В условиях постоянного финансового голода, в нулевые Россия находилась в рейтинге экологической эффективности на 105 месте из 132 стран. Некоторый прогресс последних лет имеет относительных характер: если по экологической эффективности в 2016 году Россия вышла на «высокое» для нее 32 место, то по объему ущерба от загрязнения окружающей среды Россия в те же годы занимала 56-е, а по объемам истощения и ресурсов – 127 место. [10, 2] И это при том, что в структуру рейтинга входит показатель «не тронутые хозяйственной деятельностью территории», а в России сосредоточено 25% всех особо охраняемых природных территорий земного шара и наибольшее число местностей, не тронутых хозяйственной деятельностью, вносящих, по данным экспертов, наибольший вклад в устойчивость биосферы планеты.

А, может, в нашу страну внедрились особые, «подрывные», западные эконоНПО? Нет, здесь действуют лишь крупнейшие в мире эконоНПО, которые присутствуют повсюду, авторитетные, с заслуженной репутацией, возникшие, большей частью, вскоре после II мировой войны: Фонд Дикой Природы (ВВФ, World Wild Fund), Международный Союз Охраны Природы (МСОП, International Union of Conservation of Nature), конечно, Гринпис (Greenpeace). Они работают всегда совместно с российскими эконоНПО (такими, как КЭЦ), а у самих российские офисы укомплектованы российскими специалистами, вышедшими из экологического движения нашей страны. А еще российские отделения сохраняют значительную самостоятельность по отношению к организации в целом.

Работать, «вести» проекты вместе разным эконоНПО – часть каждодневной рутины эконоНПО сегодня, так же, как и работа с бизнесом и государством по совместному осуществлению экологической политики. Такое понимание дает парадигма осуществления экологической политики, восторжествовавшая в мире с начала нулевых - версия экологически

устойчивого (sustainable) развития для национального государства (территории) в форме *экологической модернизации*. Теория экологической модернизации (ТЭМ) возникла в середине – второй половине 80-ых гг. в среде исследователей из Свободного Университета Берлина. ТЭМ, считают в России, связана с концепцией общества всеобщего риска Ульриха Бека, и интерпретируется как инструмент его минимизации. [5, 6] Это социальная теория и политическая программа, направленная на преодоление экологического кризиса в условиях сохранения рыночной экономики и демократической политической системы и без радикальной смены общественных институтов. Авторы теории приняли за аксиому, не требующую доказательств то, что в недрах капитализма заложены, в том числе, механизмы, которые ведут к экологически дружественной деятельности. ТЭМ рассматривается как тенденция общественного развития на конкретном этапе эволюции «общества модернити». ТЭМ – это и модель экологического менеджмента, направленная на минимизацию экологических рисков, и политическая практика, предполагающая сочетание прямого административного управления и саморегулирования. ТЭМ предусматривает добровольное, не по указке «сверху», изменение в моделях производства и потребления. Итогом будут все же радикальные изменения в обществе, смена ценностных ориентиров и стиля поведения, но - как активность самих масс. Механизмы ТЭМ - не набор сложных прямых и косвенных природоохранных мер, а свободный рынок и частный интерес. Бизнес может быть сам заинтересован в экологической политике, и должен быть вовлечен, участвовать в ней на всех этапах принятия решений, - в кооперации с экоНПО. [1]

ЭкоНПО – ключевой инструмент осуществления экологической политики в рамках ТЭМ, его роль невозможно переоценить. Они инициаторы и проводники, например, добровольных соглашений о сотрудничестве и соглашений о партнерстве между бизнесом и гражданским обществом. Но по

характеру деятельности они сильно разнятся. *Коллаборационисты* (collaboratives), например, опираясь на строгий научный базис, вступают во взаимодействие с бизнесом и госструктурами и создают внятные правила эколого-политической игры. Именно благодаря им имеет место смена модели поведения бизнеса на более экологически дружественную. Их *оппоненты* (opponents) позиционируют себя как представители гражданского общества, которое держатся в отдалении от процесса принятия решений вместе с разрушителем природы бизнесом, но вовлечены в процесс совместного принятия решений с ним, так как сотрудничают с коллаборационистами в конкретных областях. Это же касается и *оппортунистов* (Opportunists), представляющих собой разновидность *оппонентов*, с той разницей, что это всегда «движения снизу» (grass root), «заточенные» «под» конкретную проблему (защита, охрана данной экосистемы, ландшафта). И только *экоНПО-скептики*, которые позиционируют себя как озвучивающие по данному вопросу «волю народа», занимают часто непримиримые по отношению к бизнесу позиции в любом проекте (который надо «закрыть!», «ликвидировать!»), стоят на чисто антикапиталистических позициях. Тем самым они сами себя исключают из процесса экологической политики. [17] Крупнейшее экоНПО в мире ВВФ - именно коллаборационист. ВВФ стал инициатором всемирного движения защиты лесов – движения по выявлению и охране лесов высокой природоохранной ценности (ЛВПЦ), проекта, осуществленного вместе с бизнесом. Все вышесказанное относится и к МСОП. Известное каждому, наверное, в России Greenpeace - оппонентное экоНПО. А менее известные у нас «Друзья Земли» (Friends of Earth) – НПО-скептик.

Западный эксперт пишет, что только все вместе, эти разнородные организации могут достичь настоящего успеха в действительно масштабном проекте. Причина – пропасть между достойной, для данного экоНПО, целью, и реальными возможностями, которыми она обычно обладает, узкий коридор

возможностей, недостаток ресурсов, средств. Особенно - в странах с переходной экономикой. Внимание государства сосредоточено на бизнесе. Властям нужен рост ВВП и налоги, они мыслят в краткосрочной перспективе. Экологи властям – помеха, власти - на стороне бизнеса. С подачи последнего, пышным цветом расцветает антиэкологический лоббизм. И это на фоне пассивности местных жителей, погруженных в пучину безысходности в безрезультатном поиске средств к существованию. ЭкоНПО вынуждены, порой, преодолевая сопротивление властей, отбиваясь от антиэкологических PR-компаний, проплаченных бизнесом в СМИ, разными путями «пробиваться» к местному сообществу, помогать ему в осознании его подлинных интересов и нужд. [17] Все означенное, думаем, можно смело применить и для описания ситуации в России.

В России вопрос о реализации ТЭМ на самом высоком уровне не ставился. Но, так как это рамочная концепция политики, ТЭМ и в нашей стране фактически реализуется в конкретных отраслях объединенными силами российских и международных экоНПО, которые здесь – ключевой игрок и движущая сила. Во всяком случае, по мнению Д. Зонненфельда, анализировавшего политику в лесной отрасли развивающихся стран и стран с переходной экономикой. (См. [18])

Верно, активность экоНПО в лесной отрасли России трудно переоценить. Леса занимают 70% территории России, а запасы древесины здесь - 75 млрд кубометров. Это четверть мировых ресурсов, но на долю России приходится лишь 3% вывоза мировой древесины и столько же - в мировом производстве. Лесной сектор – это 2,5% ВВП и 3,7% - выручки от экспорта. [9] После распада СССР социалистическая система лесоуправления сменилась рыночными реалиями, частью чего стала экономическая деградация советских лесхозов, выполнявших функции восстановления лесов. С начала рыночных реформ 90-х гг. лесной сектор России попал в состояние масштабного массового банкротства. И в 90-ые и в нулевые,

российский и иностранный капитал сделали ставку на экспорт. Государство их поддержало: целью государственной политики в лесной сфере явилась купля-продажа древесины, а не охрана леса. Внедрение Лесного кодекса-2006 лишь обострило проблемы. Кодекс имеет ряд принципиальных изъянов. Он не учитывает ущерб, наносимый малонарушенному лесу строительством инфраструктуры: площадь вырубki при строительстве, скажем, дороги может быть очень мала, но нанесенный ущерб колоссален. А ведь прокладка инфраструктуры через леса полностью изменила динамику и географию лесных пожаров! Малый бизнес, чей труд наименее экологически опасен для леса, кодекс игнорирует, а вся ставка сделана на крупных лесозаготовителей. Функции охраны леса переданы местным властям, но они их на себя не взяли... не могли взять... Механизмы лесовосстановления лесопосадок Кодексом-2006 не продуманы. Никак не защищены от вырубok малонарушенные и ненарушенные леса. Кодекс оказался в целом нечувствителен к деградации экосистем в ходе деятельности людей. [4] В результате вышеизложенного, а так же массового сокращения работников лесной службы, ликвидации лесхозов, упразднения лесной охраны, расформирования лесной авиаохраны и др. произошли события лета 2010 года. На сегодня кодекс претерпел определенные изменения: за годы его действия было принято более 20 поправок и еще 27 законов, вносящих в него различные изменения. [9] Но они незначительны. Итог постсоветской экстенсивной модели: исходя из масштабов территории леса и имеющихся запасов, Россия - лидер лесозаготовок, но экономически привлекательные ресурсы леса в стране подошли к пределу. А вот события лета 2010 года могут повториться в любой момент.

Главные достижения в лесной отрасли - 105 государственных заповедников, 52 национальных парков, 57 федеральных заказников, 12000 природных парков, последних пристанищ амурского тигра, дальневосточного леопарда, снежного барса, даурского журавля - достались нам от Советского

Союза. [9] Россия является одной из немногих стран, где сохранились не затронутые хозяйственной деятельностью крупные лесные ландшафты мирового значения, ключевые, с точки зрения поддержания глобального экологического баланса и сохранения климата, важнейшее природное «хранилище» углерода. В ходе экстенсивного освоения лесных пространств, территории, занятые естественными лесами, сегодня у нас исчезают. Гибнут старовозрастные, девственные, бореальные леса, малонарушенные лесные территории. Российские эконоНПО занимаются вопросами картографирования этих лесов с середины 1990-х. Их работа стала основой для создания российской версии концепции ЛВПЦ, доминирующей сегодня в охране окружающей лесной природной среды в мире.

Процесс постановки ЛВПЦ под защиту человека стал возможен благодаря системе добровольной лесной сертификации. Концепцию ЛВПЦ продвигает Лесной попечительский совет (Forest Stewardship Council, FSC), созданный для привлечения к совместному принятию решений бизнеса и активистов гражданского общества в сфере лесопользования в 1999 г. Сохранение ЛВПЦ стало одним из требований для всех лесопромышленных компаний в мире, для чего им теперь требуется получить сертификат добровольной лесной сертификации по схеме FSC. (FSC - независимая некоммерческая негосударственная организация для поддержки экологически и социально приемлемого и выгодного экономически управления ресурсами леса.) Цель FSC - содействие экологически ответственному, социально ориентированному лесопромышленнику, в конечном итоге – экологически устойчивому управлению лесными ресурсами. Добровольная лесная сертификация по FSC есть и в России.

По состоянию на 17 января 2014 г. в России по системе FSC было сертифицировано 38,19 млн га., более 20% площади всех арендованных лесов. [13] В концепции ЛВПЦ соединяются ценность природы (как ресурса и самой по себе), потребность в ней человека, и исторические и культурные

ценности данного общества, с одной стороны и - создание социально выгодного лесопользования, помогающего местному населению осознать свои долгосрочные выгоды, состоящие в том, чтобы хранить родной лес и управлять им на основе долгосрочного планирования, с другой.

То, какую роль играют эконоНПО в лесной экологической политике России, заметно по тому, как идет у нас работа по выявлению ЛВПЦ и охране этих лесов. Например, в районе поселка Струги Красные (райцентр в Псковской области) работала дочерняя компания крупного лесозэкспортера «Стура Энсо» шведско-финской группы Enso. ЭконоНПО «Сеть спасения Тайги» и Гринпис в 90-ые гг. не раз обвиняли их в истощительном лесопользовании и рубках старовозрастных лесов. Действительно, в этом северном краю, который сильно зависит от своего лесного хозяйства, массовая вырубка началась еще в 60-ые гг. и в начале 90-ых г. достигла пика. Восторжествовала экстенсивная система лесопользования: государство продавало иностранным компаниям участки леса под вырубку на корню. (А ведь цена леса «на корню» и обработанного отличается в 15-20 раз!)

Изначально попытки защитить леса осложнялись тем, что они не имели статуса охраняемых, но затем международным сообществом был наложен мораторий на вырубку старовозрастных лесов Европы, который затронул эту территорию. Международная компания сразу потеряла благоприятный имидж в глазах западных потребителей, потеряла партнеров, понесла серьезные убытки. [15] Вскоре она радикально пересмотрела свою политику: она решила участвовать в охране старовозрастных лесов, прибегнув к сертификации. На что была способна «Сеть спасения Тайги», действуя она в одиночку - вопрос риторический. В дальнейшем ситуация с охраной леса в регионе изменилась радикально.

Сейчас Карелия и весь северный край, можно сказать, имеют имидж экологически дружелюбных. Эксперты эконоНПО провели поисковые и инвентаризационные работы по учету старовозрастных лесов. Составили

списки лесозаготовительных компаний, вырубаящих старовозрастные леса, нашли районы их работ.¹[4] 130 тысяч гектаров старовозрастных лесов, которые сдаются в аренду в Карелии - под добровольным мораторием на лесозаготовки, компании – и обязательно это держатели сертификата FSC - при поддержке экологов, подписали соглашения на добровольный мораторий на вырубку леса. [16]

Известность за пределами нашей страны приобрел республиканский Псковский модельный лес, а так же модельный лес «Тайга». Под модельным лесом подразумевается определенная покрытая лесом территория, которая признана научным сообществом образцом, моделью экологически устойчивого развития для остальных народов Земли. Фактически, это такой ландшафтный комплекс с лесами и сельскохозяйственными угодьями, особо охраняемыми природными территориями, водными объектами и населенными пунктами. Модельные леса создали примеры устойчивого использования лесов с соблюдением интересов и бизнеса, и местного населения. Для модельных лесов внедрена интенсивная скандинавская модель лесопользования, отказ от сплошных рубок, которые ведут к низкому качеству и стоимости леса. Первые модельные леса появились в Канаде в начале 1990-х годов. Практика выделения модельных лесов в последние десятилетия распространилась в отечественной лесоохране наряду с ЛВПЦ. В России модельных лесов лишь несколько: Гассинский лес в Хабаровском крае, “Прилузь” в Коми, Кологривский (Кострома) и мурманский Ковдозерский модельный лес, а в мире - несколько десятков в 18 странах.

О “Прилузь” скажем несколько слов. “Прилузь” в Прилузском районе Коми был из первых проектов подобного рода в России.

¹ Союз из российских и международных экоНПО точно установили факт вырубки старовозрастных лесов: в районе 1997 г. они отмаркировали 15 тыс. кубометров древесины, вырубленной финской компанией «Vainioпраа» на территории планируемого национального парка «Калевала». В мае 1997 года финские экоНПО Лига природы и Друзья Земли блокировали завод Vainioпраа в Финляндии под лозунгом «Не рубите старовозрастные леса Карелии!». В ходе столкновения с полицией и работниками компании экоактивиста-финна переехал трактор...

Предприятием-монополистом в регионе является дочернее предприятие австрийской «Нойзидлер», которая позиционирует себя как экологически дружелюбная, так что она сразу пришла на сотрудничество с эконоНПО «Серебряная тайга», российской стороной проекта.

«Серебряная тайга», прежде всего, выяснили, к чему стремится само коренное население края, которое, надо сказать, раньше почти не имело опыта осуществления экологических акций. Многие из их требований были не экологического или не чисто экологического характера (увековечить память жертв политических репрессий в крае и др.), но они все были удовлетворены.

К сожалению, эконоНПО столкнулись с тем, что в настоящее время в крае, как и повсюду в нашей стране, «люди склонны искать виноватых наверху и не осознают, что в их силах что-то изменить». [13] Когда же речь идет о выборе компании, работающей в Прилузье, предпочтение всегда давалось тем, кто создает рабочие места, а не тем, кто не загрязняет окружающую среду. Интересно, что местные сами были не прочь побраконьерствовать, и, когда приходилось за это «платить по счетам», «Серебряную тайгу» ославили как чужаков или иностранных шпионов. Или – представителей государства, которые «перекрасились». Между тем, «Серебряная тайга» оказалась в сложном положении еще и потому, что сами не имели нужного опыта работы с населением, властями и бизнесом. В регионе еще с конца 80-ых гг. действовала эконоНПО Комитет по спасению Печоры, которая ранее добилась значительных успехов. Ее эксперты были приглашены и в проект модельного леса в Прилузье. «Серебряной тайгой» приглашались так же специалисты Санкт-Петербургской ЭКОМ. ЭконоНПО поставили цель не только создать модельный лес, но и стимулировать низовую демократию в Прилузье, что решили осуществить через Гражданскую конференцию, в которой представители общественности обсуждали возможные системы контроля над легальностью лесозаготовок и

торговли. По проекту были проведены общественные слушания, причем их проводили не власти, а сами компании вместе с экоНПО. На конференции представители общественности выслушали экспертов, затем обсудили вопросы отслеживания легальности заготовок древесины в Прилузье и разработали итоговый документ. Заключение Гражданской конференции было направлено органам власти, лесным компаниям. Всего к концу 2005 года мероприятий подобного рода было проведено более сорока, и многие требования населения, высказанные там, были в большей или меньшей степени удовлетворены. [13] Проект осуществлялся международными донорами, в т.ч. Всемирным Банком. Сейчас он завершен. Увы, найти внутреннее финансирование, запустить механизмы постоянного участия рядовых граждан в принятии решений, как и контроля за исполнением социально-экологических стандартов компаниями в России, ему не удалось.

Вернемся к КЭЦ. Как видим, КЭЦ не осуществляет ничего криминального, это – обычное, рядовое экоНПО нашего времени. Его работа разрешена российским законодательством, в частности, сводом законов об экологической экспертизе. Запрет на его деятельность – это запрет на всю современную стадию развития природоохранной отрасли нашей страны, попытка отбросить ее к «дополитической» стадии развития, имевшей место до 1986 года.

Но сейчас другое время, другая экологическая обстановка как в мире, так и в нашей стране. Иная стадия технологического развития, в т.ч. – его экологической компоненты. Успешные экологические проекты осуществляются группами экоНПО, одна из которых - международная. (А как иначе противостоять в данном споре бизнесу, ТНК, если не посредством влиятельной международной экоНПО?). От нее может поступать и финансирование, если от него отказалось *свое* государство. ЭкоНПО России крайне редко обращаются за помощью и содействием к государственным органам. Скорее, они будут искать поддержки у структур бизнеса. Но не у

властей. ВВФ-Россия стал организатором «Ассоциации экологически ответственных лесопромышленников России», которая вошла в международное эоНПО Глобальную Лесную Торговую сеть. Но государство ни в этом, ни в других аналогичных проектах, не участвовало.

Сегодня российское государство, лишенное современной системы охраны природы (например, природоохранного ведомства как ведомства «единой задачи»), осуществляет отрицательную селекцию местных эоНПО, выставив самым активным «черные метки». Ширится особого рода антиэкологическая пропаганда. Что объединяет сегодня коммуниста и «цепного пса режима», либерала-рыночника и национал-патриота? Негативное отношение к эоНПО как части эволюции глобального гражданского общества, в спонтанный характер которого многие отказываются верить. Самые разные политики страстно обличают экологов, находят их виновными во всех наших бедах.

Конечно, основания для такой враждебности есть. Но ни таинственная «закулиса», а власти или бизнес создают «свои» экологические движения-«спойлеры» (так наз. GONGO), добиваясь общественного резонанса по отношению к ним, как и по отношению к «настоящим» эоНПО. Эти эоНПО - агенты не народов, а конкретных государств, большого бизнеса, ТНК. Но среди «иностранных агентов», о которых выше шла речь, и всех описанных нами в данной статье НПО, таких организационных структур нет...

ЭоНПО в политическом мире весьма уязвимы, ведь они на самом деле нуждаются в том, кого защищать. И это - не зайцы и барсуки, а местные жители, коренные народы, рядовые граждане страны. В переходной России «на местах» их воспринимают враждебно, отказываются от взаимодействия. Это не объяснить лишь антиэкологическим лоббизмом бизнеса и его контрпропагандой. Западная Европа - экологически чувствительный рынок, а россияне, по опросам, не готовы доплачивать за изделия экологически

дружественного производителя из экологически чистой древесины. Демонстрируют материалистические, а не постматериальные ценности. С такими экоНПО работать труднее всего.

Чем действительно ущербны западные экоНПО? Они редко финансируют важные экологические объекты. Проекты, инициируемые экоНПО, часто имеют «харизматический» характер, в своем выборе последние ориентируются или на иные, помимо экологических, ценности, или на «вкусовщину». Это «харизматические» экосистемы, ландшафты, биологические виды, которые экоНПО берутся защищать исходя из неких «высших» соображений, представлений об их непреходящей ценности, или они о них как некоем символе. Активисты – не эксперты министерства экологии, порой принимают решения об охране на эмоциях, а не на неоспоримых доводах науки. Речь идет о видах, или ландшафтах, субъективно воспринимаемых как ценности культурно-цивилизационного характера. [17] Это не только природные комплексы, не комплексы в чистом виде или не природные объекты вообще. Среди требований FSC для ЛВПЦ: выделению в категорию ЛВПЦ территорий, необходимых для обеспечения существования местного населения, и сохранения его самобытных культур. [6] Население имеет право владеть и распоряжаться территориями и ресурсами в местах постоянного проживания, объектами животного мира, недревесными продуктами леса. А еще - территориями, **культурно значимыми** для данных общностей. [8] Или, как указано в нашем законодательстве, для коренных малочисленных народов...

Все-таки многие значимые для природоохраны проекты, осуществляются ныне почти исключительно силами и средствами из-за рубежа. Конечно, это - не нормально. Западные экоНПО осуществляют свои замыслы в нашей стране в рамках больших международных проектов, но проекты имеют свойство заканчиваться. Зарубежные экоНПО уходят и часто все останавливается. Потому что не пустило корня в самой России. А у нас

некоторые уже привыкли к охране своей среды «на дармовщинку»! Думается, несмотря ни на что, нужно искать источники финансирования, и в целом ресурсы на природоохрану, в своей стране. Другое дело, что основную массу работы, по действительно ключевым для экосистемы проектам должно делать российское государство. Некому любить нашу родную землю, кроме нас. И никто не знает лучше, как ее защитить.

Экологическая политика России предстает сегодня ареной острейшей политической борьбы, частью каковой является антиэкологический лоббизм. На данном этапе экологическая политика страны действительно не независима. А еще - неэффективна. Но не в силу действий из-за рубежа. А из-за того, что имеет реактивный характер, и действительно сейчас «плывет в русле интересов других государств». [12, С. 31], но происходит это потому, что в силу технологической стадии развития России, по крайней мере, в части компоненты охраны окружающей среды и природопользования, «Россия отстает от промышленно развитых стран и даже Китая». [12, С. 25] С начала нулевых ситуация здесь меняется лишь в худшую сторону. По-видимому, чтобы переломить эту тенденцию, необходима радикальная смена политического курса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова О. В. Экологическая модернизация в условиях стабильного Запада и трансформирующейся России: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: ИС РАН, 2002.
2. Алексеева Н.Н. Место России в глобальных экологических рейтингах. Режим доступа: http://ecostandardgroup.ru/about/korporativnaya-otvetstvennost/rating/Место_России_в_глобальных.Н.Н_Алексеева.pdf
3. Воробьёв Д., Болотова А. Экологическое движение в защиту карельских лесов // Экологическая модернизация лесного сектора в России и США. (Под ред. М. Тысячнюк, А. Кулясовой, И. Кулясова, С. Пчёлкиной) СПб.: НИИХ СПбГУ, 2003. С. 72–87.
4. Калинин Ник. Лесной – кодекс: десятилетие изменений // Парламентская газета. 2017. – 43 (14 ноября)
5. Кулясов И. П. Экологическая модернизация. СПб., 2004.
6. Кулясова А., Кулясов И. Локальные социально-экологические конфликты в контексте глобального процесса лесной сертификации. Режим доступа: PANDIA: <http://pandia.ru/text/80/240/21399.php>.

7. Ларин Вл., Мнацаканян Р., Честин И., Шварц Е. Охрана природы России: от Горбачева до Путина. - М.: ВВФ. - 2003. – 416 с.
 8. Лукашевич В.М. Учет социальных аспектов при лесопользовании / В.М.Лукашевич, М.В.Лукашевич // NOVAUM, Раздел: Социологические науки, №10, 16.12.2017. Режим доступа: <http://novaum.ru/author/id339>.
 9. Мясников С.Н. Государственная лесная политика в России: проблемы и противоречия / С.Н. Мясников // Проблемы современной экономики. 2012. – 4.
 10. Рейтинг стран мира по уровню экологической эффективности в 2016 году. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий - 29.01.2016. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2016/01/29/7292>
 11. Российские НКО, внесенные в реестр как иностранные агенты: история вопроса. Режим доступа: <http://article20.org/ru/news/rossiiskie-nko-vnesennye-v-reestr-kak-inostrannye-agenty-ist>
 12. Россия по ту сторону мировых экологических трендов. Интервью Гендиректора ЭВОС В.В. Потапова // Мужская работа. 2017. - 1. - С. 24-32.
 13. Тысячнюк М. Роль глобальных процессов в мобилизации низовой демократии в лесных поселках России: на примере «Модельного леса “Прилузье”» // Отечественные записки. 2005. - 6.
 14. Хибины.com. Мурманск и область. Режим доступа: <https://hibiny.com>.
 15. Шварц Е. Лесная политика России: видение общественных организаций / Е.Шварц, Е.Куликова, Н. Шматков // Устойчивое лесопользование. 2013. - 2 (35).
 16. Яницкая Т. Практическое руководство по определению лесов высокой природоохранной ценности в России. М., WWF России, 2008. Режим доступа: <http://spok-karelia.ru/>
 17. Ruyschaert Denis, Salles Denis. The Strategies and Effectiveness of Conservation NGOs in the Global Voluntary Standards: The Case of the Roundtable on Sustainable Palm-Oil. In: Conservation and Society. Vol. 14, No. 2, January 2016.
 18. Sonnenfeld, David A. Social Movements and Ecological Modernization: the Transformation of Pulp and Paper Manufacturing. In: Development and Change, Vol. 33, No. 1 (January), pp. 1-27. 2002.
-

E.I. Glushenkova (Burkova)

*Institute of World Economy and International Relations (IMEMO),
Moscow, Russia*

ECOLOGICAL MODERNIZATION, NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS AND THE PROTECTION OF WOODS IN RUSSIA

The article studies ecological modernization as a political practice focusing environmental NGO activities in the sphere of forest policy. Special attention is paid the political behavior of environmental NGOs in Russia. The article focuses also ecological situation with forests and the history of forest protection in modern/post-Soviet Russia.

Key words: Ecological modernization, environmental policy, sustainable development, environmental non-governmental organizations (NGOs), policy-makers, foreign agent, forest protection, forest policy, forests of high conservation value (HCV), model forest.

Поступила в редакцию 24 июля 2018